

ГЛАВА XI.

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПСИХОЛОГИИ. К КАКОЙ ОБЛАСТИ НАУК ОТНОСИТСЯ ПСИХОЛОГИЯ?

А. Предмет изучения. Все сказанное в предыдущих главах об отдельных сторонах интересующей нас проблемы подытожим с тем, чтобы дать общее определение предмета психологии.

1. Психика—это все наше субъективное как переживания.
2. Психика—это не простая сумма, а единство наших многообразных переживаний.
3. Психика как единство переживаний образуется согласно своим особым многообразным законам.
4. Психика как единство многообразных переживаний и законов представляет собой, с одной стороны, явление природы, качественное своеобразие коего превращает психику, с другой стороны, в явление общественное.
5. Психика как явление природы представляет собой явление вторичное, а именно: особое своеобразное неотделимое свойство материального субстрата нервно-мозговой системы, ее внутреннее состояние, отражающее в себе и собой бытие.
6. В этом определении психики, как особого свойства материи мозга, как ее способности отражать собой и в себе бытие, уже заложено определение психики как явления общественного. Как явление общественное психика представляет собой непосредственное или опосредствованное (через биологию) отражение, перевод и переработку внутри нас общественного бытия,—отражение, реагируемое обратно в то же общественное бытие.
7. Поскольку общественное бытие реально выражается в общественной деятельности, действиях, поведении, с его непосредственной и опосредствованной (через биологию человеческого организма) социально-классовой обусловленностью, постольку психика как явление общественное представляет собой отражение (перевод и переработку) внутри нас непосредственно или опосредствованно (через биологию) социально-классово-обусловленного поведения, отражение поведения, реагируемое обратно в то же поведение.
8. Поведение как источник и претворение содержания психики является основным, определяющим, первичным, а психика, с ее содержанием—вторичным, производным.

9. Поведение является определяющим, первичным не только для содержания психики, но и для всей работы мозговой системы, для всех свойств последней. Нервно-мозговой, отражающий, переводящий, перерабатывающий, регулирующий аппарат поведения, со всеми его свойствами, является вторичным в отношении первичного поведения.

10. Поскольку поведение определяет функционирование нервно-мозговой системы со всеми ее свойствами, поведение определяет не только содержание психики, т. е. не только психику как явление общественное, но и психику как способность, как явление природы.

11. Отсюда вытекает следующее определение психики:

Психика—это единство субъективных переживаний коллектива и индивида и образующих его законов, представляющее собой, с одной стороны, вторичное явление природы, а именно: особое своеобразное свойство (внутреннее состояние—способность отражать в себе и собой бытие) вторичного нервно-мозгового аппарата поведения, а с другой, в силу качественного ее своеобразия—как свойства, как способность отражать, вторичное явление—общественное, а именно: отражение (перевод и переработка) внутри нас непосредственно или опосредствованно (через биологию) социально-классово-обусловленного приоритетного поведения, отражение, реагируемое обратно в то же поведение. Из этого определения вытекает: 1) что приоритетной является деятельность, поведение как источник и претворение субъективно-объективных процессов нервно-секреторных (рефлекторных механизмов) и 2) что рефлекторные механизмы нервно-секреторной системы, с их особым свойством отражать бытие, деятельность, поведение в своих внутренних состояниях, представляет собой вторичный технический аппарат, отражающий приоритетную деятельность, зависящий от последней, но все же играющий большую роль, как аппарат, переводящий и, что особенно важно, перерабатывающий и своими переводами и особенно переработками не только регулирующий, но и изменяющий поведение.

Эта марксистская формула, это диалектико-материалистическое определение психики содержит в себе три основных момента:

1) воздействие—поведение, 2) внутри организма протекающие субъективно-объективные мозговые процессы и 3) ответные реакции—поведение.

Мы вправе поэтому сделать вывод, что марксизм, в частности Плеханов, понимал, что психика протекает по рефлекторным дугам в современном научном смысле этого слова и понимал это задолго до того, как кризис в субъективной психологии вызвал к жизни объективное, рефлексологическое направление в психологии. Ведь марксистская формула о психике дана Марксом и Энгельсом в 40—50-х гг. XIX в. (Святое семейство, Ниццета философии, Тезисы Маркса о Фейербахе, Введение к критике политической экономии), меж тем как сочинение Сеченова о рефлексах головного мозга вышло только в 1864 г., а работы Павлова, Бехтерева начались в конце XIX и в начале XX века. Основоположники марксизма полетом своей творческой мысли, помощью марксистского, диалектико-материалистического метода, предвосхитили развитие еще не существовавшей рефлексологической науки.

Но взгляды марксизма на психику, сближаясь с рефлексологией, не совпадают с последней полностью, ибо в ней надо различать между теориями Сеченова, Павлова и Бехтерева.

Дедушка современной рефлексологии И. М. Сеченов различал рефлексы чисто физиологические и психические, т. е. такие рефлексы, которые, по его выражению, обладают интегральной частью, по-нашему неотделимым свойством психичности, внутренней переживаемости. Школа Павлова приемлет чисто физиологическое, механическое определение рефлекса Декартом. Школа же Бехтерева колеблется между определением рефлекса как чисто физиологического или объективно-субъективного механизма, механизма, обладающего субъективными свойствами.

Поэтому мы можем и должны свою мысль о сближении взглядов марксизма на психику со взглядами рефлексологии формулировать точнее, а именно: определение марксизмом психики отличается от взглядов школы Павлова безусловным признанием у высших рефлексов внутреннего субъективного свойства, внутренней переживаемости, а от школы Бехтерева—отсутствием всяких колебаний в этом вопросе и полностью совпадает только с точкой зрения Сеченова.

Недаром Плеханов высказался вполне положительно о Сеченове, этом основоположнике рефлексологии.

Определение психики, как особого свойства нервно-мозговой системы, совпадает также полностью с понятием «реакция» у К. Н. Корнилова.

Из вышеданного определения психики вытекают следующие выводы:

а) Марксистская психология должна охватить, во-первых, основное социально-классовое, вовне организма протекающее поведение и, во-вторых, вторичный, внутри организма функционирующий аппарат поведения—нервно-мозговую систему с ее свойствами.

б) Марксистская психология должна охватить поведение, во-первых, в его основной непосредственной социально-классовой обусловленности (основной социально-классовой фактор поведения) и, во-вторых, в его второстепенной, опосредствованной (через биологию) социально-классовой обусловленности, т. е. в его вторичной непосредственной биологической обусловленности (вторичный, социально-классово-обусловленный биологический фактор).

в) Марксистская психология должна охватить вторичный нервно-мозговой аппарат поведения, во-первых, в его объективном физиологическом функционировании (материальный субстрат субъективного) и, во-вторых, в его внутреннем состоянии—субъективной переживаемости.

Другими словами, предметом марксистской психологии является сложное единство. В этом сложном единстве надо и увязать и различать элементы, которые по разным признакам классифицируются следующим образом:

а) По линии принадлежности к различным областям бытия:

1. Моменты социально-классового порядка: социально-классовый фактор поведения—самое поведение—субъективное переживание в его содержании,

2. Моменты биологического порядка: биологический фактор поведения—нервно-мозговой аппарат поведения—субъективное как его особое свойство, как его внутреннее состояние, как его способность отражать.

б) По линии объективности или субъективности, как двух качественно-своеобразных свойств, форм проявлений бытия:

1. Моменты объективные: поведение—материальный субстрат нервно-мозгового аппарата поведения.

2. Моменты субъективные: субъективные переживания как особые свойства нервно-мозгового аппарата, как его внутреннее состояние, как его способность, с одной стороны; субъективные переживания как содержание, отражающее в себе и собой бытие, как отражение последнего, с другой стороны.

в) По линии роли и значения:

1. Основные: поведение в отношении нервно-мозгового аппарата с ее внутренним субъективным состоянием—нервно-мозговой аппарат, как материальный субстрат, в отношении его субъективного свойства.

2. Вторичные: нервно-мозговой аппарат с его субъективным свойством в отношении поведения—субъективное, как свойство, в отношении материального субстрата нервно-мозгового аппарата и как отражение бытия.

Все эти, по различным признакам классифицирующиеся моменты, можно и нужно сгруппировать следующим образом:

1) основные социально-классовые и вторичные биологические;

2) основные физиологические и вторичные субъективные.

Само собой разумеется, что в разных частях интересующей нас области (индивид—коллектив, ребенок—взрослый) мы встречаемся с вышеуказанными моментами в разной пропорции. Дело науки познать эту изменчивую пропорциональность, но какова бы ни была эта конкретная пропорциональность, во всех случаях необходимо учесть все элементы сложного единства нашего предмета изучения, правильно учитывая их соотносительную роль.

Из марксистского определения психики вытекает, что предметом изучения психологической науки является единое, цельное, многогранное поведение и психика человека как конкретное многогранное и своеобразное единство при правильном учете роли и значения каждого из его многообразных, своеобразных моментов.

Б. Методы изучения.

Поведение и психику, этот многогранный объект, различные моменты коего имеют разную ценность, надо изучать помощью столь же многогранных, хотя и различной ценности, методов.

Многообразие предмета изучения определяет и многообразие методов для его изучения.

Но прежде чем перейти к анализу взглядов Плеханова на методы изучения психики, мы считаем необходимым отметить взгляд Плеханова на роль и значение методов вообще. Плеханов считает, что «к ошибочному взгляду можно притти, держась более или менее правильного метода, точно так же, как правильный взгляд

может получиться в результате употребления более или менее ошибочного метода»¹.

Отсюда вытекает, казалось бы, пренебрежительное отношение Плеханова к методам. Но это не так, совсем не так, ибо в другом месте Плеханов утверждает, что «недаром те из западно-европейских социалистов, которые с гордостью «ведут свою родословную», между прочим, «от Гегеля и Канта», придают гораздо больше значения методу исследования общественных явлений, чем данным его результатам».

Этот приоритет метода над результатом объясняется, во-первых, тем, что верный метод почти всегда дает верные результаты, меж тем как «ошибочный метод,—говорит Плеханов,—лишь в редких частных случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой частной истине».

Приоритет метода над результатом объясняется, во-вторых, тем, что неправильный метод не дает гарантии для вскрытия ошибок, меж тем как правильный метод такие гарантии дает. «Ошибка в результатах,—говорит Плеханов,—непреренно будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода»².

Метод не в смысле отдельного, частного, технического приема, а в смысле общего подхода имеет огромное практическое и принципиальное значение и неразрывно связан с общефилософским мирозерцанием: всякая наука имеет и должна иметь основные, исходные принципиальные, философские предпосылки, как основу правильного метода правильного методологического подхода к изучаемому объекту. «Серьезное отношение к методологическим вопросам, возможно,—по мнению Плеханова,—лишь в обществе, получившем серьезное философское образование»³.

Мы считаем необходимым этот момент подчеркнуть потому, что в современной психологии у нас намечается увлечение экспериментом,ходящее почти до голого эмпиризма, до пренебрежения теоретически-методологической работой, как предпосылкой для правльности эксперимента.

Какие же методы рекомендует Плеханов? Прежде всего сочетание дедукции и индукции. Плеханов заявляет, что «в экономической науке, так же как и в науках естественных, дедукция должна и может стоять в тесной связи с индукцией, а добытые путем вывода положения должны быть проверены на фактах». Дедукция не просто из головы, а дедукция, стоящая в связи с индуктивно-добытыми фактами, дедукция, как результат критического анализа старых фактов и теорий, является методом получения новых положений, но верность последних утверждается опять-таки не умозрительно, а фактами. Дедукция, не оторванная от индукции, является одним из методов познания. Отношение Плеханова к дедукции также важно для борьбы с эмпиризмом в психологии.

¹ Т. V, стр. 270.

² Т. II, стр. 151.

³ Там же.

Теперь перейдем к конкретным методам.

Плеханов пишет, что «в социальной науке невозможен опыт, составляющий такой могучий рычаг в развитии некоторых отраслей естествознания». Эксперимент в общественных науках невозможен, поскольку нельзя искусственно повторять исторические события. Плеханов прав с точки зрения исторических процессов в целом. Но так как даже великие исторические события в известном смысле повторяются, например Парижская коммуна, Октябрьская революция, и так как последующие поколения, поскольку они сознательно творят свою историю, используют опыт предыдущих поколений и соответствующим образом регулируют свои действия, то мы вправе сказать, что отдельные моменты, отдельные явления мы можем, в силу все большей плановости общественного бытия, проводить в известном смысле и в социально-общественной опытной обстановке.

Поскольку психология должна изучать психику на фоне поведения, то целый ряд актов поведения изучать в экспериментальной обстановке действительно невозможно. Но поскольку, во-первых, элементы из исторически в целом неповторяемых событий встречаются в других исторических событиях и поскольку, во-вторых, психология должна охватить все поведение, следовательно, и ежедневное, обычное, общежитийское поведение, в отношении к коему эксперимент вполне возможен, постольку эксперимент возможен и при изучении общественной психологии и общественного поведения. Надо только изыскать соответствующую техническую методику.

Но мысль Плеханова важна в том отношении, что она предостерегает от пренебрежительного отношения к методам неэкспериментального наблюдения, от их недооценки в области изучения поведения как явления социального порядка.

Эксперимент, точнее, экспериментальное наблюдение, выше простого, неэкспериментального наблюдения в смысле точности, в смысле большей возможности вскрыть механизмы, но зато простое неэкспериментальное наблюдение имеет большую социально-практическую (в смысле возможности его применения) значимость.

«История и статистика,—говорит Плеханов,—представляют собой обширное поле для наблюдения, играющего не менее важную роль в точных науках».

Итак, первая серия конкретных методов—это опыт, эксперимент и наблюдение. Но последнее утверждение Плеханова, его указание на историю и статистику выдвигает перед нами и вторую серию методов: 1) метод исторический, точнее сравнительно-исторический, генетический, поскольку мы имеем дело с историческим процессом, с различными сменяющимися друг друга эпохами, с различными странами, с различными классами, с коллективом и личностью, со взрослым и ребенком, со связью человека с животным, и 2) метод статистический.

Все эти методы одинаково применимы во всех областях изучения поведения и психики, но в разной пропорции при разной значимости.

Теперь перейдем ко взглядам Плеханова на те методы, которые вытекают из того конкретного специфического объекта, который изучает психология, т. е. к методу субъективному и объективному.

Метод в науке неотделим от объекта. Недаром утверждают, что метод в науке есть все. Субъективная психология, видевшая в психике, в самосознании особую, точнее, отдельную, изолированную, и от материального субстрата нервно-мозгового аппарата и от социального бытия сущность, естественно признавала долгое время единственным методом познания нашей психики самосознание, самонаблюдение над центральными субъективными процессами. Явно религиозная и явно идеалистическая (но скрыто религиозная) субъективная психологии пользовались исключительно этим по существу рационалистическим методом самонаблюдения.

Однако современная эмпирическая психология отказалась от этого крайнего рационализма и наряду с самонаблюдением центральных субъективных процессов пользуется также самонаблюдением и для изучения периферических процессов—ощущений, вместе с тем перейдя к «наблюдению», «опыту» и «эксперименту». Но психолог-эмпирик наблюдает, экспериментирует только над субъективными переживаниями (чувства, мысли, ощущения и т. д.) как таковыми. «Психологию можно построить только при помощи интроспективного метода, и потому никакой объективной психологии существовать не может»¹, говорит еще и сейчас Челпанов, глава русских субъективистов-эмпириков. И лишь под напором действительно научных требований, вопреки своему принципиальному взгляду, эмпирики допускают временами объективный метод наблюдения, как подсобный.

Диаметрально-противоположен взгляд объективистов на метод. Они являются сторонниками исключительно объективных методов, т. е. объективного наблюдения и эксперимента (анатомического, физиологического и эндокринологического, рефлексологического и т. д.), и только некоторые, как В. М. Бехтерев, например, да и то путаясь, с опаской, признают ограниченную роль субъективного метода.

Как отвечает на этот вопрос марксизм в лице Плеханова? Он резко критикует бездоказательность субъективного метода как такового. «Наши суждения о деятельности человеческого «духа»,—пишет он,—это в лучшем случае гениальные, а то и просто остроумные гипотезы. Только там и сделали что-нибудь, где вынуждены были поставить общественную психологию в связь со «струною»². Плеханов предлагает, следовательно, объяснить субъективное через «струну», т. е. через общественное бытие, через объективное.

«Задача науки, поскольку она имеет дело с субъектом, заключается именно в том, чтобы объяснить его посредством объекта. Забывать об этом, значит совершать смертный грех против науки»³. Под объектом вообще мы вправе разуметь не только объективное

¹ Челпанов, Психология или рефлексология.

² Т. VII, стр. 240.

³ Т. IX, стр. 8.

общественное бытие, но и бытие нашего организма и бытие нашей нервно-секреторной системы.

Если субъективное надо объяснить объективным, т. е. вонне протекающим поведением, коего отражением оно является, и тем материальным субстратом нервно-секреторной системы, коего свойством оно является, то ясно, что надо пользоваться объективными методами. Это—с одной стороны. Но с другой стороны, Плеханов резко критикует и физиологический метод. «Едва ли много утешения принесет мне постоянное повторение той мысли, что известные волевые движения необходимо соответствуют известным движениям мозгового вещества. На таком отвлеченном положении нельзя построить практических расчетов, а дальше мне нет и хода с этой стороны, потому что голова моего ближнего не стеклянный улей, а его мозговые фибры не пчелы, и я не мог бы наблюдать их движения даже в том случае, если бы я твердо знал,—а мы все еще далеки от этого,—что вот вслед за таким-то движением такого-то нервного волокна последует такое-то намерение в душе моего согражданина. Надо, стало быть, подойти к изучению необходимости человеческих действий с другой стороны»¹.

Одного физиологического метода, одного знания физиологии недостаточно, надо подойти к нашим действиям и переживаниям («намерениям») еще и с другой стороны. С какой? С той, о которой нам не дает знаний физиология, т. е. со стороны общественной деятельности, со стороны поведения, во-первых, и со стороны намерений в душе, со стороны субъективных переживаний, как особого качественно-отличного от физиологии свойства материи, во-вторых.

Следовательно, кроме физиологического метода, очень важного с точки зрения науки, надо пользоваться, исходя из практических соображений, из реальных потребностей жизни человеческой, еще и методом объективным для изучения поведения как такового и методом субъективным для изучения переживаний.

Мы видим, что Плеханов, с одной стороны, резко критикует субъективный метод, а с другой—столь же резко критикует и объективно-физиологический метод. Но здесь нет никакого противоречия. Все дело в том, что один субъективный или один физиологический метод при всей их разноценности все же одинаково односторонни.

Поскольку предметом изучения является сложное, многокачественное единство, поскольку каждое качество должно быть познано в его качестве, постольку качественному многообразию предмета изучения должно соответствовать качественное многообразие методов изучения.

Объективные методы необходимы для изучения объективных моментов—биофизиологии тела и нервно-мозговой системы, внешних проявлений, действий, поступков, внешнего поведения. Но этими объективными методами мы познаем только объективные элементы поведения, а не внутренние субъективные переживания, как

таковые, — вот почему необходимо наряду с объективными методами применение и субъективного метода.

Объективисты, В. М. Бехтерев например, утверждают, что, помимо общей недостоверности субъективного метода (что безусловно верно) этим методом можно изучать только самого себя, аналогизировать же от себя к другим нельзя, так как психика каждого не только совершенно своеобразна, индивидуальна и различна, но и несравнима с психикой других. У Г. В. Плеханова мы находим очень резкую критику такого индивидуалистического подхода к субъективному методу, подхода, являющегося по существу следствием индивидуалистического подхода к человеческой психике. «Как ни разнообразны вообще человеческие мнения, — говорит Плеханов, — но ошибочно было бы утверждать, что у каждого человека есть свое особое мирозерцание и свои различные взгляды на все общественные явления. Нет, в каждое данное время люди данного класса имеют одинаковое — в известных пределах — мирозерцание и, опять-таки в известных пределах, одинаково смотрят на общественные явления»¹. И в этом нет ничего удивительного, ибо в психике индивида и коллектива, две части: основная главная, а именно: общая всем членам данного класса часть, и второстепенная, чисто личная часть. Поэтому-то у людей одного и того же социально-классового положения имеется в общем и целом, в основном и главном одинаковая психика и одинаковое классовое сознание. А если так, то можно говорить, имея в виду людей одного и того же социального положения, о психике, разнящейся в деталях, а не о несравнимой, как это утверждает Бехтерев, и, следовательно, аналогия вполне обоснована.

А что касается двух людей с разным социально-классовым бытием, то надо принять во внимание, что мы можем воспринять не только по сходству, но и по закону противоречия, антитеза, противоположности, поэтому мы можем вполне обоснованно, учитывая разницу социально-классового бытия, аналогизировать и в этом случае, хотя и в более ограниченной степени и не по сходству, но по различию и противоположности.

Следовательно, мысль о недопустимости аналогии, сравнения, как мотив против субъективного метода, не обоснована, и субъективный метод в ограниченных пределах допустим. Что таково отношение Плеханова, видно из следующей его мысли, высказанной по поводу блестящей речи Лассалья перед дюссельдорфскими присяжными.

«В умении произвести впечатление заключается, быть может, вся тайна неподдельного красноречия. В этом случае слушатель дополняет недосказанное собственным душевным движением»².

В основе этой важной в жизни возможности дополнения слушателем

¹ Т. V, стр. 351.

² Т. VI, стр. 37.

недовысказанного оратором, а также возможности вчувствования одним человеком в переживания другого лежит закономерная однородность, вернее, однотипность субъективных переживаний людей одного и того же класса.

Итак, можно и нужно пользоваться самонаблюдением, субъективным методом, несмотря на его неточность и ограниченность сферы его применения, там, где это возможно.

Субъективный метод необходим для изучения внутренних субъективных переживаний — «внутреннего» поведения. Отказ полностью от субъективного метода лишает нас возможности полностью познать человека и ведет к агностицизму и эклектицизму, как мы это имеем у Павлова, с одной стороны, видящего в наших переживаниях определяющую историческую силу, а с другой — отказывающегося от их изучения.

Однако эти два одинаково законных метода неравноценны: субъективный метод ограничен по области его применения и не вполне достоверен. Поэтому марксистская психология подчеркивает безусловный приоритет объективного метода над субъективным, видя в последнем только подсобный метод. Приоритету объективных моментов предмета изучения соответствует приоритет объективного метода.

Поведение и психика — это единство многообразия и противоположностей должны быть познаны единым комплексом многообразных и противоположных (субъективный и объективный) методов. Надо изучать поведение и психику, этот многогранный объект, различные моменты коего имеют разную ценность, помощью столь же многогранных, хотя и различной ценности, методов.

В. Теперь перейдем к вопросу о том, к какой области наук относится психология. Но прежде всего остановимся на следующих двух вопросах:

1. Нужно ли объединить в одной науке изучение столь различных моментов, как социальные, биологические, субъективные и физиологические?

2. Если психология будет изучать все эти моменты, то не заменит ли она все другие науки — социальные, биологические и физиологические?

Рассмотрим сначала первый вопрос. «Нельзя, да и не надо сидеть одновременно на четырех стульях: социологии, биологии, физиологии и психологии» — вот формула, дающая отрицательный ответ на интересующий нас теперь вопрос.

Но, во-первых, если изучать только субъективное, то мы мало, очень мало познаем наш предмет, как это показала судьба субъективно-эмпирического направления в психологии. Ведь это направление неприемлемо именно потому, что оно принципиально изучало только субъективное как таковое вне его обусловленности социально-классовым поведением и вне его материального субстрата и не могло, следовательно, полностью познать психику ни как явление природы, ни как явление общественное. Субъективное надо и можно познать только в связи с определяющим его поведением и материальным субстратом нервной мозговой системы.

Во-вторых, если изучать только физиологию нервно-мозговой системы, то мы сможем специфическое качество человека, его способность отражать бытие внутри себя, в своих переживаниях. Физиологическое направление в психологии, в рефлексологии неприемлемо не только потому, что оно неправильно решает проблему взаимоотношений социального и биологического, но и потому, что оно изучает только материальный субстрат, элиминируя субъективное как таковое с его содержанием, как отражением общественного бытия. Оно не могло познать субъективное как явление общественное и не может полностью познать субъективное как явление природы, последнее, поскольку оно не учитывает субъективного как такового, как особое свойство нервно-мозговой системы.

В-третьих, познать субъективное только в связи с физиологией нервной системы будет шаг вперед, но все же познание, изолированное от причин, т. е. неполное, ибо содержание субъективного вне обуславливающего его бытия, поведения, не может быть полностью познано.

В-четвертых, познать субъективное на фоне определяющей его биологии, как это делают некоторые биологические направления в психологии, неприемлемо потому, что, изучая субъективное только как биологически обусловленное, они не могут познать субъективное как явление общественное и превращают человека в животное.

В-пятых, биологический подход вне изучения материального субстрата нервной системы представляет собой, во-первых, оживотнение человека и, во-вторых, приводит к спекуляции в отношении физиологических механизмов, как это имеет, например, место во фрейдизме, фактически лишенном анализа физиологических механизмов, заменяющем этот анализ спекуляцией, имеющей одно только «достоинство» — на спекуляции физиологией легче построить спекуляцию биологическую.

Наконец последняя «комбинация»: «Мы не физиологи и не биологи, а социальные психологи, поэтому нам не надо, да и нельзя изучать физиологические и биологические моменты, поэтому нам надо изучать только субъективное и внешнее проявление, социальные действия человека». Да, нам надо заниматься нашим поведением, нашими социальными действиями. Нам надо психологию социологизировать. Все это верно, но это не вся истина.

Психика наша, являясь отражением социального бытия, социального поведения, представляет собой в то же время и свойство, особое, неотъемлемое свойство материальных физиологических механизмов.

Ясная принципиальная позиция, правильная методологическая предпосылка марксизма, т. е. взгляд на субъективное, как на своеобразное, но неотделимое, интегральное органическое свойство рефлекса, физиологических механизмов, дает возможность и обязывает поставить перед психологией задачу — изучать два явления, объективные и субъективные, не изолированно двумя различными науками, имеющими две принципиально различные установки, чтобы затем, не научно их сопоставлять (каковую попытку мы имеем у В. М. Бехтерева),

а изучать их одной наукой как части единого целого, изучать объективное вместе с его своеобразным свойством — субъективным, при одной общей установке и внутренней увязке.

Для того чтобы не заблудиться, чтобы не перепутать и чтобы действительно познать субъективное, как неотделимое свойство физиологических механизмов, для того чтобы изучить и то и другое в их реальном единстве, — такое единое изучение является наилучшей гарантией, наивернейшим способом, наиточнейшим методологическим подходом. Только при таком едином изучении мы сумеем поставить и решить следующие задачи:

1) действительно проверить классификацию наших внутренних переживаний;

2) опровергнуть атомизм субъективной психологии и доказать наш взгляд на совокупность душевных переживаний, как единое целое, с сохранением, однако, за отдельными переживаниями их своеобразных черт;

3) узнать, какие физиологические механизмы какими субъективными свойствами обладают или какие физиологические механизмы функционируют при тех или других наших субъективных переживаниях;

4) выяснить, какие физиологические механизмы обладают свойством бессознательности и какие — сознательностью;

5) установить механизмы биологически-унаследованных инстинктов и социально-приобретенных сознательных переживаний;

6) изучить психику ребенка, установить, когда, на какой стадии развития нервно-секреторной системы ребенка у него появляются наряду с бессознательными также и сознательные переживания;

7) изучить механизм психики нормальной в отличие от психики ненормальной.

Когда мы только социологизируем психику, не увязывая ее одновременно с физиологическими механизмами, то мы оставляем лазейку для субъективной психологии, даем ей фактическую возможность не только бороться, но и сохранить свое существование, как это и видно на примере с Челпановым.

Глава наших эмпириков, он стал вдруг ярым поборником социальной психологии.

Почему? Да потому, что это является хорошим средством для удержания позиций эмпирической субъективной психологии.

Не поняв физиологических механизмов, мы не сумеем действительно познать психику как отражение социального бытия.

Формула: «мы не физиологи, а психологи» верна только в том смысле, что марксистская психология 1) не сводит всей проблемы к одной физиологии, не может ограничиться изучением одной только физиологии нервно-мозговых механизмов, 2) что она непосредственно изучает физиологию нервно-мозговой системы лишь постольку, поскольку ей это необходимо для познания субъективного.

Что же именно?

Субъективное—неотделимое, своеобразное свойство функционирующих анатомо-физиологических механизмов мозга.

Но физиологические процессы возбуждения, торможения, растормаживания, концентрации, иррадиации в пищевом, двигательном и т. п. центрах имеют в своей основе те физико-химические процессы разложения и синтеза, которые происходят в клеточках.

Следовательно, под «здание» анатомо-физиологии мозга надо подвести физико-химический «фундамент» (у нас в СССР этими проблемами занимается П. П. Лазарев).

Таким образом в тех механизмах, свойством которых является субъективное, надо различать:

- 1) анатомическую структуру,
- 2) цельный физиологический процесс функционирования и
- 3) лежащие в его основе физико-химические процессы в клеточках.

Поэтому вопрос о едином познании субъективного и физиологического следует рассмотреть отдельно в отношении каждого из этих моментов.

Субъективное непосредственно связано с цельным физиологическим процессом и может быть изучено без учета лежащих в основе последнего физико-химических процессов в клеточках, как это и делает И. И. Павлов.

Вот почему мы считаем, что третий элемент механизмов нашей психики, т. е. физико-химические процессы в клеточках, не является непосредственно объектом психологии, а представляет собой объект биологической физики и химии.

И только общие результаты этих наук могут и должны быть вовлечены психологией для расширения кругозора, для пополнения фона, для углубления понимания.

Сложнее обстоит дело с анатомической структурой. При нормальных условиях единое изучение субъективных переживаний и анатомической структуры их механизмов невозможно, но в исключительных случаях, при дефекте или отсутствии того или другого анатомического субстрата, возможно и необходимо пользование отрицательным методом изучения выпавших психических функций, несмотря на все его недостатки.

Следовательно, анатомический материал может и должен быть только в частичной, ограниченной степени вовлечен непосредственно как объект изучения психологии.

Но совсем не так обстоит дело с физиологией, с физиологическим процессом, с законами функционирования нервно-мозговых механизмов. Из работ школ И. П. Павлова и В. М. Бехтерева ясно, что возбуждение, торможение и растормаживание, иррадиацию и концентрацию и т. д. можно изучать при нормальных условиях, а следовательно, и с учетом субъективной переживаемости.

Конечно, эти физиологические законы при нормальных условиях не могут быть изучены, познаны во всех деталях.

Но если нельзя «полностью», в смысле всех деталей, изучать их, то значит ли это, что нам нужно отказаться от неполного их

познания при едином изучении субъективного и объективного единой наукой?

Но этого мало. Мы не должны упускать из виду те возможности, которые открывает перед нами идущая гигантскими шагами вперед техника. Проникаем же мы в тело человека методами рентгенологии!

Почему бы научной психологии не поставить перед техникой и физикой задачи найти методы безболезненного проникновения сквозь черепную крышку в мозг, а затем использовать эти методы для того, чтобы получить возможность изучать механизмы мозга в момент их функционирования.

Это песня будущего, это трудная задача, но трудности преодолеваются, если ясны задачи и верен путь.

Такую задачу можно и должно ставить, ибо она идет по правильному методологическому пути.

Максимально-возможное использование единого познания физиологических механизмов с их субъективной переживаемостью, максимальное расширение этих возможностей—вот ответ на вопрос о трудностях и невозможностях.

В этом вопросе о включении физиологических и анатомических элементов в круг непосредственного изучения психологии, как и в вопросе о признании субъективного, мы не одиноки. Так это делала частично эмпирическая психология, и это составляло не ее слабую сторону, а, наоборот, ее сильную сторону, причем недостаток ее состоял в том, что она включала эти моменты только при изучении низших психологических функций. Далее, отец русской рефлексологии—Сеченов—поставил эту проблему во всей широте по отношению ко всей психике. Но он только формулировал задачу, осуществить же ее призваны современная психология и рефлексология, поскольку они станут на диалектико-материалистическую точку зрения. На эту точку зрения и пытался стать после долгих колебаний и с колебаниями В. М. Бехтерев.

Мы так долго остановились на этом вопросе, так как он является предметом тысячелетнего спора между субъективной идеалистической и объективной материалистической психологией, спора, который может быть разрешен только с точки зрения современного диалектического материализма.

Так обстоит дело с одной частью объекта психологии, с субъективным и физиологическим.

Теперь перейдем к биологическому «элементу» нашего поведения.

Марксистская психология, признавая приоритет социально-классового фактора нашего поведения и психики над биологическим, не может, однако, желая изучить поведение и психику человека, ограничиться изучением одного только внешнего поведения вместе с субъективно-объективным процессом нервно-мозговой системы человека, а должна включить и биологию человеческого организма, поскольку она является второстепенным, хотя и социально-классово-окрашенным фактором нашего поведения и психики.

Таким образом мы приходим к двум выводам—отрицательному и по-

ложительному. Отрицательный вывод: все перечисленные точки зрения, не увязывающие всех моментов (социальный, биологический, субъективный и физиологический), страдают одним недостатком: неправильно-односторонним подходом к предмету изучения, сведением сложного к одной только части его, к переоценке этой последней.

Положительный вывод: истинно-научный подход, диктуемый сознательной диалектикой, диалектическим материализмом, требует охвата предмета изучения во всей его конкретной полноте.

Марксистской психологии надо включить в предмет своего изучения все четыре момента: субъективное, физиологическое, биологическое и социальное.

Теперь перейдем ко второму вопросу: если психология изучает все эти моменты, то не значит ли это, что марксистская психология заменяет физиологию, изучающую нервно-мозговую систему, биологию, изучающую внутреннюю секрецию, типы конституции или механизмы наследственности, половое влечение и т. п., а также и социальные науки. Мы оставим пока в стороне общественные науки, которых коснемся ниже, а остановимся на отношении психологии к физиологии и биологии.

Психология не заменяет анатомическую, физиологическую и биологическую науки. Она не изучает полностью ни анатомии, ни физиологии, ни биологии человека. Она изучает их лишь постольку, поскольку это необходимо для познания социального поведения и психики. Это—во-первых. Во-вторых, поскольку психология не полностью изучает вышеуказанные моменты, она базируется на анатомии, физиологии и биологии, как на предпосылочных для нее науках, и использует только результаты их исследований. В-третьих, поскольку психология изучает вышеуказанные моменты, она берет их в качественно-различных контекстах: не в контексте общеанатомическом, общебиологическом, а в контексте социально-классового поведения и социально-классовой психики. И действительно, анатомия, физиология и биология человека, изучая всю анатомию, всю физиологию и всю биологию всего человеческого организма, изучают их как одну из частей общей анатомии, общей физиологии и общей биологии в общем анатомо-физиолого-биологическом контексте, между тем как психология, включая частично анатомию, физиологию высшей нервной деятельности и биологию человека в объект своего изучения, берет их в другом контексте, именно в контексте социально-классового поведения. В-четвертых, поскольку психология изучает вышеуказанные моменты, она изучает их с другой точки зрения. Анатомия, физиология и биология изучают их с анатомической, физиологической и биологической точек зрения, психология же—с точки зрения поведения и психики.

Ясно, что это два качественно-различных контекста, два качественно-различных подхода, не заменяющих друг друга и не сливающихся меж собой. Включая частично анатомо-физиолого-биологические моменты, как второстепенную часть, в объект своего изучения, психология не заменяет ни анатомии, ни физиологии, ни биологии.

Спрашивается, к каким наукам, биологическим или общественным, относится психология? Мы видели, что, по мнению Плеханова, историк-

материалист не может ограничиться изучением одного остова—экономики, что он должен показать, как этот остов покрывается живой плотью—политической надстройкой и самой увлекательной, самой интересной частью этой живой плоти, т. е. человеческими переживаниями, общественной психикой. К этому мы можем прибавить следующую мысль Плеханова: «Раз возникнув на почве общественного бытия, формы их сознания составляют часть истории».

Историческая наука не может ограничиться одной анатомией общества, она имеет в виду всю совокупность явлений, прямо или косвенно обусловливаемых общественной экономикой, «до работы воображения включительно».

Ясно, что изучение поведения и психики людей входит в задачи общественных наук, что психология есть наука общественная.

Встает новый вопрос. Если психология изучает не только социальные действия, социальное поведение людей и его субъективные отражения, но и частично и явления биофизиолого-анатомического порядка, то как можно отнести психологию к общественным наукам? На это можно и нужно ответить следующим образом:

Поскольку биологический фактор в своей изменчивости (а в отношении поведения это главным образом и должно нас интересоваться) является социально-классово-обусловленным и играет только роль «возможности», превращаемой в реальную конкретность социальной средой, поскольку нервно-секреторная система служит только аппаратом, поскольку, следовательно, биофизиология является только предпосылкой и второстепенным, вторичным моментом в сравнении с основным, главным—социально-классовым поведением,—постольку психология в основном и главным является наукой социальной, в которой и для которой биофизиология является только вводной главой, только начальной, примитивной стадией изучения, только азбукой, и постольку психология в основном и главным относится к наукам общественным.

Мысль эта все более проникает в психологическую науку. Особенно характерен в этом отношении В. М. Бехтерев. В течение долгого периода он видел в человеке существо биосоциальное, не устанавливая относительной роли биологической и социальной стороны в человеческой личности, и относил рефлексологию к наукам биологическим.

В своей работе «Рефлексология и марксизм», критикуя определение Бехтеревым человеческой личности как биосоциального существа и рефлексологии как науки биологической, мы подчеркнули, что нервная система—это только механизм, технический аппарат нашего поведения, что человеческий организм как источник раздражений есть результат исторических под влиянием среды накопленных изменений, что географическая среда влияет на человека не непосредственно, а преломившись через социальную среду, что биофизиологическое изучение человеческого поведения—это только азбука психологии, что значение социальной стороны поведения превосходит значение биофизиологической стороны и что,

следовательно, рефлексология правильно понимаемая, а не узко-физиологическая или узко-поведенческая есть наука социальная. Говоря о правильно понимаемой рефлексологии, мы имеем в виду не физиологическое понимание рефлексологии, а то широкое ее понимание, которое дал И. М. Сеченов, которое учитывает не только физиологический механизм, но и его интегральную часть, т. е. неотделимое свойство—внутренние, субъективные переживания,—которое признает приоритет социального над биологически-унаследованным (только 1/1000 от биологии и 999/1000 от окружающей социальной среды, как фигурально выражается И. М. Сеченов), которое совпадает, следовательно, как мы указали уже это, с реактологией К. Н. Корнилова, с марксистской психологией.

И вот, отвечая нам, Бехтерев в своих последних работах стал сдавать свои позиции.

Эта сдача позиции выразилась прежде всего в том, что он хотел смазать проблему о том, к какой области наук относится психология и рефлексология.

«Я не уверен, что вопрос о том, является ли рефлексология биологической или социальной наукой, имеет существенную важность, как вопрос чисто теоретический»¹.

Но ведь теоретический вопрос имеет значение для научной теории. Это раз.

Во-вторых, может быть под «теоретическим» надо понимать «формальный». В классификации наук имеются подчас и чисто формальные моменты, но за ними нельзя проглядеть и содержания, особенно когда речь идет о таких науках, как биологические, с одной стороны, и социальные—с другой, имеющих дело с двумя качественно-различными закономерностями.

Поэтому пренебрежение к вопросу о том, к каким наукам относится наука о поведении человека, может привести к смазыванию качественных различий между биологией и социологией в отношении человека, между биологическим и социальным подходом к его поведению и психике.

И Бехтерев идет дальше, делает еще шаг. В связи с дискуссией, ведшейся на страницах журнала «Обозрение психиатрии, неврологии и рефлексологии» между д-ром Розенблумом и проф. Осиповым, по поводу «контрреволюционного комплекса у душевнобольных», Бехтерев в своей статье «Об отношении рефлексологии к социологии» заявляет:

«Рефлексологический метод неправильно обозначается некоторыми биологическим, как неправильно рефлексологию обвиняли в излишнем биологизме вообще. Если понятие рефлекса ны не рефлексологией распространяется на все высшие отправления центральной нервной системы под названием высших или сочетательных рефлексов и если под понятие раздражителей могут и должны быть подведены вообще воздействия окружающего мира, в том числе и воздействия социальной среды, то причем тут, спрашивается, биологизм?»².

В другом месте Бехтерев заявляет: «Если я сближал рефлексологию

с биологией, то именно потому, чтобы оттенить объективность или «биологичность» ее методов»¹.

Но ведь он сам заявлял, что «научно-материалистическое понимание соотносительной деятельности человека ставит науку о человеческой личности—рефлексологию—в ряды естественно-научных дисциплин»².

Ясно, что в этом утверждении речь идет не о биологичности рефлексологии в силу объективности ее методов, а о принадлежности к определенной системе наук.

А если так, то, следовательно, и ее объект, и его закономерность, и методы его изучения являются биологическими. Когда Бехтерев впоследствии заявил, что под биологичностью рефлексологии он понимал объективность ее методов, то это есть только расшифровка—раз, расшифровка, данная впоследствии,—два и расшифровка, не соответствующая существу некоторых его взглядов,—три.

Поэтому обвинение в биологичности, направленное против Бехтерева на основе определенных его взглядов, формулированных им на определенной ступени его идеологического творчества, было вполне обосновано. Попытка же со стороны Бехтерева опровергнуть своих оппонентов неубедительна.

Но несомненно одно, что статья Бехтерева в «Обозрении психологии, неврологии и рефлексологии» означает фактическое признание, что рефлексология есть наука социальная, т. е. переход на правильную точку зрения. Психология, рефлексология в их правильном понимании—наука социальная.

Тут встает новый вопрос, являются ли общественной наукой обе ветви психологии—психология индивидуальная и психология коллективная, классовая.

Бехтерев соглашается с нами, «что рефлексология, изучающая законы социально-классовой сочетательно-рефлекторной деятельности и социально-классовых установок, представляет собою науку социальную и только использует данные биологических и технических наук, но не сливается с ними», но он находит, что «это относится больше к «коллективной рефлексологии», личность же, как таковая, имеет, наряду с социальными приобретениями, и биологический стержень», а потому правильное даваемое им, Бехтеревым, «определение личности как биосоциальной особи и рефлексологии индивидуальной или общей как науки биологической»³.

Но, во-первых, коллективная рефлексология при изучении поведения коллективов (классов, профессий) сталкивается, и должна их учесть, также и с моментами биологическими, например с влиянием вырождения на двух крайних полюсах социальной лестницы империалистического капиталистического общества (у обнищавших масс в силу тяжелых условий бытия, чрезмерной эксплуатации, а у буржуазии в силу

¹ «Под знаменем марксизма», 1926 г., стр. 86.

² «Обозрение психиатрии, неврологии и рефлексологии» № 3, стр. 214.

¹ Психология, рефлексология и марксизм, стр. 53.

² «Под знаменем марксизма», 1927 г., стр. 86.

³ Психология, рефлексология и марксизм, стр. 53—54.

непроизводительного образа жизни), а также с влиянием физкультуры и вопросами физического оздоровления в нашей стране строящегося социализма. Следовательно, разница между коллективной и общей или индивидуальной рефлексологией сводится не к отсутствию (в первой) и наличию (во второй) биологического элемента, а к наличию его в меньшей или большей степени.

Во-вторых, если Бехтерев соглашается, что мысль о рефлексологии, как социальной науке, верна больше в отношении коллективной рефлексологии, то она верна, пусть в меньшей степени, и в отношении к рефлексологии общей или индивидуальной. Поэтому относить последнюю к биологическим наукам без натяжки невозможно.

И мы находим у Бехтерева новое положение: «Рефлексология (общая или индивидуальная) одной ногой уходит в биологию, а другой—в социологию, а потому должна в сущности быть самостоятельной научной дисциплиной, устанавливающей изучение личности на основе биологических и социальных знаний и не сливающейся полностью ни с биологией, ни с социологией»¹. Но, во-первых, самостоятельной в смысле отдельной, особой науки общая или индивидуальная рефлексология может быть не только в качестве биологической, но и в качестве социальной науки. Во-вторых, как понять промежуточность рефлексологии? Ведь о своей рефлексологической закономерности, промежуточной между закономерностью биологической и социальной, нет и быть не может, как это, впрочем, понимает и сам Бехтерев, утверждая, что часть объекта рефлексологии подлежит биологической закономерности и изучается биологическими методами, а другая часть подлежит социальной закономерности и относится к области наук социальных. В-третьих, поскольку речь идет о наличии в объекте общей или индивидуальной рефлексологии двух качественно-различных элементов, биологических и социальных, то нужно поставить вопрос об их удельном весе, соотносительной роли в значимости.

Поскольку биология является только предпосылкой, доставляющей нам аппарат для поведения, поскольку биологическое является социально-изменяемым, поскольку социальное является преобладающим, господствующим в поведении, поскольку социальное является преобладающим, господствующим в поведении, поскольку ребенок биологичен только вначале, а затем превращается в существо социальное, постольку ясно, что и общая или индивидуальная рефлексология в основной своей части является наукой социальной, для которой изучение биологической стороны поведения и психики индивида является только вводной главой, азбукой, т. е. начальной примитивной частью. Ведь сам Бехтерев проводит грань между его биосоциальным направлением и физиологическим направлением И. П. Павлова, когда он заявляет, что «не следует смешивать рефлексологию с физиологией»², что «рефлексолог мог бы изучать хотя бы и не в достаточной полноте соотношения между внутренними и внешними раздражителями, прошлыми и настоящими, с одной стороны, и внешними проявлениями личности—с другой, даже в том

¹ Психология, рефлексология и марксизм, стр. 54.

² Там же, стр. 5.

случае, когда оставалась бы неизвестной та область мозга, которая заведует этими внешними проявлениями»¹. Конечно, изучение поведения и психики индивида без изучения механизма, аппарата, т. е. мозга, будет неполное, недостаточное, но важно для нас сейчас то, подчеркиваемое самим Бехтеревым, обстоятельство, что можно изучать поведение без физиологии мозга, что между объектом физиологического и биосоциального направления в рефлексологии есть качественная разница, что основным характерным, важнейшим, центральным является самое социальное поведение, что аппарат есть второстепенная вещь.

А если так, то очевидно, что основное русло исследования, основной объект и основной подход к нему идут по линии социальной и что общая или индивидуальная рефлексология также является наукой социальной.

Теперь перейдем к вопросу о том, какое место занимает психология в системе наук социальных. Мы должны различать в этой области, с одной стороны, исторический материализм, а с другой стороны, отдельные конкретные социальные науки. Исторический материализм—это общая методология в отношении социальных явлений. Как общая социальная методология, исторический материализм базируется на анализе общественного бытия и диктует подход его к изучению, но непосредственно исторический материализм не изучает никакой отдельной области социального бытия. Эти последние составляют объект отдельных конкретных общественных наук. Исторический материализм, как социальная методология, не сливается и не заменяет отдельных, конкретных социальных наук. С одной стороны, он предполагает их, базируется на них, с другой же стороны, он формулирует для них основной методологический путь, подход, метод познания и изучения и получает в них свою конкретизацию, свое приложение.

И, наоборот, отдельные конкретные социальные науки получают в историческом материализме свою общую методологию, конкретизируют и углубляют ее в форме своей частной методологии и изучения соответствующих областей общественного бытия в целях их изменения.

Психология представляет собой одну из этих отдельных конкретных общественных наук. Она находится в таких же взаимоотношениях с историческим материализмом, как и другие общественные науки. Неверно поэтому мысль о том, что психология изучает только поведение и психику личности и что поведение и психика общества, класса, как таковых, суть предмет изучения исторического материализма. Исторический материализм, не сливаясь с отдельными конкретными социальными науками и не заменяя их, не сливается и не заменяет и психологической науки и не изучает непосредственно психологию как таковую.

Исторический материализм, с одной стороны, диктует психологии, как отдельной конкретной социальной науке, изучающей одну определенную область социального бытия, общий методологический подход, необходимость этот общий методологический подход конкретизировать в форме

¹ Психология, рефлексология и марксизм, стр. 10.

частной методологии, именно методологии психологии, и применение этих методологических принципов на практическом изучении. С другой стороны, исторический материализм получает в развивающейся, конкретизирующейся методологии психологии и в добываемых психологией конкретных данных не только свою конкретизацию, но и свое фактическое углубление.

Таким образом психология, как отдельная конкретная социальная наука, с ее частной методологией не сливается, не может и не должна слиться с историческим материализмом как общей социальной методологией.

Ну, а каково соотношение психологии, как одной из конкретных социальных наук с другими конкретными социальными науками? Подойдем к этому вопросу прежде всего в разрезе исторической вертикали, характеристики какого-либо данного общества на данной ступени его развития. Общественное бытие представляет собой единое целое, в котором мы, однако, различаем взаимосвязанные, в конечном итоге определяемые экономическим базисом, но все же относительно самостоятельные области общественного бытия, а именно: 1) экономический базис, 2) надстройки первой ступени—социально-политический строй и 3) надстройки второй ступени,—психологию и идеологию. Каждая из этих относительно самостоятельных областей общественного бытия, например базис и надстройки капиталистического общества, изучаются соответствующими отдельными науками.

Базис, производственные отношения, экономика капиталистического общества изучаются политической экономией и другими экономическими науками. Конечно, политическая экономия касается и надстроек, но она не ставит своей задачей изучить последние как таковые и заменить этим самым соответствующие надстроечные науки. Политическая экономия касается надстроек лишь постольку, поскольку это необходимо для изучения базиса, используя для этого соответствующие данные у надстроечных социальных дисциплин.

Ближайшая, проистекающая из экономического базиса, определяемая последним надстройка первой ступени—обширная государственно-правовая область капиталистического общества—изучается уже специально политико-юридическими науками. Последние не могут не касаться экономического базиса, с одной стороны, и надстроек второй ступени психологии и идеологии, с другой стороны. Но они касаются их опять-таки лишь постольку, поскольку это им необходимо: не заменяя ни базисных экономических наук, ни субъективно-идеологических надстроечных наук. Они должны опираться на последние, используя добытые ими данные.

Теперь перейдем к психологии. Мы уже формулировали ее задачу как изучение сложного единства, поведения и психики вместе с нервномозговым аппаратом. Изучение аппарата нервно-мозговой системы с физиологической стороны имеет огромное значение. Однако, несмотря на всю свою важность, эта сторона объекта, изучаемого психологией, представляет собой только вводную азбучную часть психологии. Эта вводная азбучная часть психологии с социальными науками не пересекается. Сложнее обстоит дело с психикой, с субъективными переживаниями.

Социально-экономические и социально-политические науки касаются, как мы уже указали, субъективного отражения общественного бытия в головах людей, но именно только касаются его, делают экскурсию в эту область, но не изучают ее как таковую, а, наоборот, должны использовать данные специальных наук, изучающих эту область. Таким образом психология имеет по линии субъективных переживаний свою четко ограниченную область—изучение субъективных переживаний, как таковых. При этом надо обратить внимание на следующее обстоятельство. Социально-экономические и социально-политические науки касаются в форме экскурсов той или другой стороны части психики, меж тем как психология должна касаться всего общественного бытия, всей социально-экономической и социально-политической области. Объясняется это тем, что психика является отражением всего бытия, всей общественной жизни, всей социально-экономической и социально-политической жизни. Но, касаясь, учитывая все то общественное бытие, отражением коего являются наши субъективные переживания, психология не заменяет собой социально-экономические и социально-политические науки. Психология разграничена от социально-экономических и социально-политических наук тем, что последние изучают общественное бытие—социально-экономическое и социально-политическое бытие, как материальное объективное бытие, между тем как психология, беря данные, установленные вышеуказанными науками, как исходный материал, изучает субъективные переживания—субъективные отражения, как таковые. Социально-экономические и социально-политические науки изучают объективное общественное бытие, объективную сторону общественного бытия, как таковую, а психология изучает субъективное отражение объективного общественного бытия внутри нас, психические переживания, как таковые. Водораздел между этими науками ясен, смешение невозможно и не должно произойти.

Так обстоит дело с взаимоотношением психологии, с одной стороны, и социально-экономических, социально-политических наук, с другой стороны, поскольку речь идет о психике, о субъективных переживаниях, как таковых.

Еще сложнее обстоит дело с поведением. Психология не может ограничиться только лишь изучением субъективных переживаний. Психология должна изучать не только процесс протекания субъективных переживаний внутри нас, но и процесс воздействия на них объективного общественного бытия и процесс их отреагирования в последнее. А так как объективное общественное бытие воздействует, образует, определяет, вырабатывает наши переживания только в процессе нашей деятельности и так как отреагирование субъективного в общественное бытие выражается опять-таки в действиях, то психология не может и не должна изучать субъективное не только вне материального субстрата нервномозговой системы, но и вне поведения. Такое изолированное изучение будет, как говорит Плеханов, только гипотетическим. Психология изучает не только психические переживания, но и поведение, как таковое. Психология должна изучать субъективные переживания вместе с поведением в их единстве, в их связи. Больше того, из двух членов этого единства поведение является основным, во-первых, потому, что оно является источ-

ником субъективных переживаний, и, во-вторых, потому, что оно является формой отреагирования психики, формой, превращающей субъективные переживания из явления индивидуального порядка (в том смысле, что оно непосредственно доступно только переживающему его индивиду) в явление общественного порядка (в том смысле, что оно становится достоянием, доступным другим).

Но ведь поведение—это действия, деятельность во всех областях нашего бытия, т. е. вся наша жизнедеятельность, следовательно, вся общественная, социально-экономическая и социально-политическая деятельность. Не вклинивается ли этим самым психология в область социально-политических и социально-экономических наук? Не заменит ли психология последние науки? Ни в малейшей степени.

Социально-экономические и социально-политические науки изучают экономическую и политическую деятельность, как определенные формы общественных классовых отношений. Марксистско-ленинская политическая экономия, например, изучает экономическую жизнь капиталистического общества. Но как? Она констатирует определенные формы классовых, производственных отношений. Средства производства принадлежат буржуазному классу. Рабочему классу, лишенному собственности на средства производства, остается продавать классу буржуазии свою рабочую силу. В силу этого прибавочный продукт, создаваемый рабочим классом, присваивается классом буржуазии в форме прибавочной стоимости. Отсюда эксплуатация классом буржуазии рабочего класса. Отсюда классовая борьба между рабочим классом, с одной стороны, и буржуазным классом, с другой стороны, и т. д. и т. д. Всяду перед нами одно—анализ общественных классовых отношений.

Точно так же и марксистско-ленинские социально-политические науки, изучая, например, капиталистическое государство, констатируют, что оно представляет собой организацию господствующего класса буржуазии для подавления эксплуатируемого рабочего класса, что капиталистическое государство есть диктатура господствующего буржуазного класса, организующего государственные органы и аппарат таким образом, чтобы силою удержать в повиновении рабочий класс, и что последний должен разрушить буржуазный государственный аппарат и построить свой государственный аппарат, с помощью коего он может осуществить свою диктатуру, и т. д. и т. д. И здесь перед нами анализ определенных общественно-политических классовых отношений.

Таким образом социально-экономические и социально-политические науки изучают, что и почему делают общественные классы. Но они не изучают, как протекает в живых конкретных людях сам процесс действия. Они не изучают диалектику, механику самого процесса поведения.

Мы считаем, что мысль Плеханова о том, что приверженцы историкоматериалистического метода должны, не ограничиваясь общим положением: бытие определяет сознание, изучить, как протекает этот процесс определения сознания бытием, что эта мысль может и должна быть распространена и на поведение. Социально-экономические и социально-политические науки изучают общественные социально-экономические и

социально-политические классовые отношения и вскрывают, что и почему делают люди, а психология изучает, как, по каким законам и механизмам протекают определяемые классовыми общественными отношениями конкретные действия людей.

Обобщая все сказанное о разграничении социально-экономических и социально-политических наук, с одной стороны, и психологической науки, с другой стороны, мы можем установить следующее положение: первые изучают, что и почему делают и переживают люди, а вторая изучает, как протекает процесс поведения и процесс переживания, диалектику, механику протекания, процесс поведения, переживания.

До сих пор мы рассматривали вопрос о соотношении психологии и других социальных наук в аспекте изучения данного общества, данной эпохи по вертикали общественного бытия.

Теперь о горизонтале на протяжении истории. К этому вопросу надо подойти с двух сторон: во-первых, с точки зрения той или другой прошедшей эпохи и, во-вторых, с точки зрения современной нам эпохи.

Тогда, в древние века, тогда, в средние века, т. е. в ту эпоху, когда жили те люди, поведение и психику которых надо было бы изучать, соотношение между интересующими нас науками, если бы они существовали в ту эпоху, было бы принципиально таким же, как и в современном нам обществе. Поведение и психика людей того или другого века должны были бы быть тогда, когда они жили, предметом изучения особой социальной, именно психологической науки.

Когда же мы ставим теперь в наше время вопрос об изучении поведения и психики людей прошлого, перед нами встает новая область наук, именно «история». В этой последней надо различать общую, систематическую историю, изучающую всесторонне тот или другой период, и частные истории, например историю экономических отношений, историю политических отношений и т. д. Каждая из этих частных историй имеет свою определенную область изучения—экономику, политико-государственный строй и т. д. и не может ваменить собой специального исторического изучения поведения и психики людей прошлого. Среди этих частных исторических наук должна быть отдельная историческая дисциплина—история психологии не в смысле истории психологии как науки, а в смысле истории психологии, изучающей формы поведения и психики людей прошлых веков.

Ясно, что отношение истории психологии, как одной из частных исторических дисциплин, к другим частным историческим дисциплинам остается принципиально таким же, как и отношение современной психологии к другим социальным современным наукам, изучающим современное общественное бытие. История поведения и психики людей прошлого, не сливаясь и не заменяя другие частные исторические дисциплины, не сливается и не заменяет также и общей систематической истории.

Каждая из этих частных историй примыкает, с одной стороны, к соответствующим социально-экономическим и социально-политическим и другим наукам, изучающим современность, а с другой стороны, каждая из этих частных исторических дисциплин является подготовительной

стадией к общей систематической истории прошлого. В этом смысле общая систематическая история предполагает как работу историка-экономиста, историка-политика и т. д., так и работу историка-психолога.

Нужно, однако, указать на то, что исторические изыскания по линии психологии людей прошлого объективно ограничены в том отношении, что изучать реальный процесс протекания, поведения и психики людей прошлых веков невозможно. Исключение составляет поведение и психика людей тех общественных формаций прошлого, которые в форме остатков сохранились по настоящее время. Но при их изучении отношение психологии к другим социальным наукам является принципиально таким же, как в отношении изучения людей современных общественных формаций. В отношении же истории и психологии людей всего исторического прошлого приходится ограничиться изучением материальных остатков, т. е. лишь частично.

Таким образом как в отношении изучения поведения психики людей современности, так и в отношении изучения поведения психики людей прошлых веков психологическая наука имеет свою ограниченную область изучения и не сливается, не заменяет другие социальные науки. В заключение остановимся на вопросе о том, как разрешается этот вопрос в современной науке СССР. Для этого остановимся на отношении к этому вопросу В. М. Бехтерева.

В. М. Бехтерев в своих последних, предсмертных работах определяет границы всей рефлексологии, как коллективной, так и индивидуальной, следующим образом:

«Рефлексология изучает способы, которыми отдельная человеческая личность, группа, класс, общество, как наследие своего прошлого, реагирует на окружающую среду, т. е. изучает реактивную деятельность человеческой личности и тех или других социальных групп, осуществляющуюся посредством определенного механизма».

Задача рефлексологии—изучение способа реагирования и его механизма, мы бы сказали—механики реакции, т. е. как совершаются, как протекают реакции. Если к этому прибавить и то, что Бехтерев признал также и необходимость изучать психику как свойство материи, приоритет социального, то мы можем сказать, что правильно понимаемая рефлексология определяется Бехтеревым вполне правильно как изучение психической надстройки.

Но, к сожалению, рядом с этой верной формулой мы находим у Бехтерева и неверные, расширительные тенденции.

«Рефлексология, будучи объективной наукой о личности, как биосоциальной особи, претендует на то, чтобы выработанный ею строго объективный рефлексологический метод был распространен на все вообще гуманитарные науки, как науки, трактующие о человеке и проявлениях его деятельности и творчества»¹.

Область применения метода, соответствующего только психической надстройке, расширяется Бехтеревым на все другие надстройки и на экономическую базу.

¹ «Обзор психологии, неврологии и рефлексологии» № 3, стр. 214.

Все остальные социальные науки должны, по Бехтереву, превратиться в рефлексологические науки, стать такими же частными рефлексологическими науками, как и индивидуальная, генетическая, коллективная рефлексология.

Разве это не означает замену рефлексологией социально-экономических и социально-политических наук? Хотел ли этого Бехтерев, или нет? А что это так, видно из примера, приводимого самим Бехтеревым.

«Возьмем,—говорит он,—пример английской забастовки. Разве явление забастовки не коллективный оборонительный рефлекс со стороны английских углекопов на ультиматум правительства от 30 апреля, явившийся раздражителем для рабочих со стороны правящего класса, ставшего на сторону капиталистов—шахтовладельцев?»

«Когда таким образом закипела борьба между двумя враждебными лагерями, то происходит тотчас же генерализация или иррадиация забастовки, сделавшейся всеобщей, после чего последовало немедленно же распространение возбуждения и в другом лагере, в силу этого на стороне шахтовладельцев объединились силы правительства, правые вожди Генерального совета и вся правая пресса, тогда как на стороне углекопов становятся все левые вожди Генерального совета, левая пресса и к ним же примыкает весь рабочий класс».

«И при этом самый рефлекс—забастовка вместе с количественным множением борющихся сил путем забастовки (согласно учению диалектического материализма) приобретает новое качество, превратившись из экономической забастовки в политическую».

«С этих пор происходит дифференцировка разлитого возбуждения той и другой из борющихся сторон. Так, со стороны правящих сфер вырабатываются меры воздействия в форме особого наступательного рефлекса, способного затормозить рабочее движение, с другой стороны, дифференцируются и средства отпора или противодействия в качестве оборонительных и наступательных рефлексов, проявляемых рабочим классом»¹.

Не ясно ли, что, по мнению Бехтерева, рефлексология изучает все, касающееся английской забастовки. Спрашивается только, что остается для других социальных наук?

Но разве можно по существу говорить о процессах генерализации, дифференцировки и т. д., установленных в отношении рефлексивно-физиологического механизма, также и в отношении общественных явлений? Ведь это качественно другие явления с качественно другими закономерностями.

Конечно, наука о поведении человека, в частности и в особенности о поведении коллектива, должна и может изучить поведение, действия затронутых и охваченных английской забастовкой групп.

Но как? Предоставив другим социальным наукам установление причин забастовки, обстоятельств ее протекания, всех перипетий борьбы, всех мер и действий, проведенных борющимися сторонами, и уже исходя из этих фактов психология, или правильно

¹ «Обзор психологии, неврологии и рефлексологии» № 3, стр. 215.

понимаемая рефлексология, должна изучить внутреннюю (внутри людей) механику действий, поступков и переживаний.

В этом смысле, но только в этом смысле, она охватывает всю забастовку. Но поскольку Бехтерев, подробно описывая этот случай, нигде не заикнулся об этой грани между рефлексологией и другими социальными науками, не указал на то, что последние изучают, что и почему совершалось в забастовке, меж тем как первая изучает только, как они преломляются в переживаниях и реакциях людей, постольку он вполне заслужил упрек в расширительном толковании рефлексологии, в стремлении заменить рефлексологией социальные науки.

Но если эта вторая, расширительная установка Бехтеревым не верна, то первая приведенная нами установка его показывает наличие в современной психологии установок правильных, вполне соответствующих соотношению реальной действительности, сформулированному марксизмом.

Вскрывая психологическую диалектику, мы сумеем легче направлять, регулировать общественное бытие. Человечество стало уже в СССР и идет в мировом масштабе на путь сознательного, свободного творчества по линии объективной необходимости. Психология является одной из тех надстроечных наук, которые помогут нам строить нашу жизнь на новых социальных принципах—на принципах не стесненной классовыми противоречиями свободы, как сознанной необходимости.

